

А. Д. Курилова
Первый МГМУ имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет),
Москва, Россия. akurilova@mail.ru

РОССИЙСКИЕ РИТОРИКИ XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ О СВАДЕБНЫХ РЕЧАХ

В статье рассматриваются свадебные речи как особый вид эпидейктического красноречия в трактовке российских учебных риторических руководств XVIII века, составленных на латинском языке. Обращается внимание на несовпадение классификационного деления и рекомендаций по составлению свадебных речей в разных риториках. Отмечается, что общим принципом является преимущественное внимание к этикетной, а не собственно речевой стороне свадебного дискурса. Включение в текст одной из риторик примера свадебной речи на русском языке позволяет сделать вывод о стремлении автора выйти за пределы школьного красноречия и показать возможности воплощения правил латинской риторики в языковой практике на родном языке.

Ключевые слова: риторическое образование в России XVIII века, латинский язык, свадебные речи.

A. D. Kurilova
I. M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia.
akurilova@mail.ru

Wedding speeches in the Latin rhetoric books compiled in eighteenth-century Russia

The article deals with wedding speeches as a special type of epideictic eloquence in the interpretation of Latin rhetorical manuals compiled in Russia in the 18th century. Attention is drawn to the discrepancy between the classification division and recommendations for composing wedding speeches in different rhetorics. It is noted that the general principle is primary attention to the etiquette rules, rather than the rhetorical aspects of the wedding discourse. The inclusion in the text of one of the rhetorics of an example of a wedding speech in Russian allows us to draw a conclusion about the author's desire to go beyond the boundaries of school eloquence and show the possibilities of implementing the rules of Latin rhetoric in Russian-language practice.

Keywords: rhetorical education in eighteenth-century Russia, the Latin language, wedding speeches.

Учебные курсы риторики, преподававшиеся в духовных и светских учебных заведениях России XVIII века на латинском языке, включали разделы, посвящённые эпидейктическому красноречию, охватывавшему разные по тематике и цели жанры. Значительная часть этих речей относилась к «официальному красноречию» (*eloquentia officiosa*) и была предназначена для произнесения по различным официальным или церемониальным поводам именно на латинском языке. Этикетный характер данного типа красноречия проявляется в стандартных схемах композиции, клишированности языкового воплощения и, прежде всего, в самом характере речей, который был выразительно определён автором риторики 1745–1746 гг. из Славяно-греко-латинской академии: “*orationes quorum necessitatem sola imposuit humanitas et officiosi animi benevolentia*” (*Diademma 1745–1746*: 68) («речи, необходимость которых вызвана только воспитанностью и стремлением нискнать благоволение официального лица»).

Свадебные речи также рассматривались как часть *eloquentia officiosa*, хотя они носили в большей степени частный, а не официальный характер. В них отразились элементы разных типов речей — поздравительных, благодарственных, содержащих просьбу, согласие или отказ.

Виды речей, сопровождающие свадебный обряд, подробно описаны в московской риторике 1744–1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии. В разделе “*De oratione epithalamica*” здесь рассматриваются три вида эпиталам, которые в свою очередь делятся на подвиды. Одни из них предшествовали заключению брака (*orationes antenuptiales*), другие предваряли вручение свадебных подарков или служили выражением благодарности за дары (*orationes redditoriae munerum et responsoriae*), третьи произносились непосредственно во время свадьбы (*orationes nuptiales*).

Orationes antenuptiales регламентировали и риторически оформляли основные этапы сватовства: прошение руки невесты (*petitoria sponsae*), ответная речь (*responsoria*), благодарственная речь, если согласие было получено (*gratiarum actoria pro sponsa promissa*) (*Emporium 1744–1745*: 151). Давая советы по составлению каждого вида речей, автор руководства обращает внимание, прежде всего, на их содержание и соответствие правилам этикета. Так, прошение руки невесты рекомендуется начать с похвалы браку, любви или верной дружбе, а затем перейти к самой просьбе

и остановиться на причинах, побудивших выбрать именно эту невесту. Среди причин ритор называет не только достойную похвалы семью (*laus familiae*), но и приданое (*dotum*).

В ответной речи родители опекуны невесты либо сразу дают согласие (*orationes annuentes*) или отказ (*orationes negantes*), либо откладывают решение на более позднее время (*orationes differentes responsum in aliud tempus*). Для каждого случая предлагается краткая схема построения речи, выделяются смысловые опорные пункты и даются советы, как можно сделать речь наиболее приятной. Например, речь, содержащую согласие, составитель руководства рекомендует начать с выражения счастья родителей, затем воздать хвалу жениху и уверить его в своих дружеских чувствах. Воодушевление уместно подчеркнуть подходящими сентенциями и примерами. В случае отказа ритор рекомендует дать этому обстоятельное объяснение (*summam circumspectionem*), чтобы не обидеть жениха и не проявить варварской невоспитанности (*Emporium 1744–1745: 151*). Перечисляются возможные причины отказа: юный возраст девушки (*immatura aetas virginis*), обещание, данное другому (*promissio alteri jam pacta*), нерасположенность девушки к этому браку или браку вообще (*mens virginis ab hoc aut ab omni connubio aliena*), неодобрение друзей (*adversum amicorum consultum*), иная Божья воля (*alia Dei dispositio*) (*Emporium 1744–1745: 150–151 (об)*).

В речах, произносимых при вручении подарков, наряду с сентенциями и рассуждениями о красоте, материале или символике дара, считалось уместным преуменьшение ценности подарка (*extenuatio doni*), чтобы невеста приняла его с благосклонностью (*ut illud sponsa grate suscipiat*) (*Emporium 1744–1745: 152*). Автор счёл необходимым перечислить подарки, которые принято дарить на свадьбу. Прежде всего, он упоминает венки или букеты из цветов (*potissime sertum*), украшения, среди которых — *annulus* (колечко), *gemma* (драгоценный камень), *monile* (ожерелье), *armillae* (браслеты). Подходящим для свадьбы подарком признаётся сахар (*saccharum*). Из предметов домашней утвари названы также *pelvis* (таз), *crater* (ваза) и *candelabrum* (подсвечник). В ответной речи родители или опекуны невесты благодарят за подарки. Ритор с иронией замечает, что, в своих благодарностях родитель иногда преступает меру и доходит до того, что уверяет жениха во взаимном чувстве невесты (*gratias pro eo refundit, ut mutuuum sponsae affectum appromittit*) (*Emporium 1744–1745: 152*).

Orationes nuptiales (речи, произносимые в день свадьбы) должны были содержать четыре смысловые части: 1) *discursus*

(рассуждение о браке, любви, верности), 2) *affectus* (выражение радости), 3) *laudes* (похвала жениху, невесте, их семьям), 4) *vota* (пожелания) (*Emporium* 1744–1745: 152 (об)).

Иной подход к свадебной речи отражён в в VI и VII главах VIII книги трактата Феофана Прокоповича (Procorovič 1982). Феофан рассматривает свадебную речь как разновидность поздравительной, не выделяя других типов, и подробно рассказывает, о чём следует сказать во вступлении, аргументативной части и заключении. Особо подчёркивается эмоциональный тон речи: и во вступлении, и в заключении необходимо выразить радость по поводу события. Так, ритор полагает, что «вступление, откуда бы его ни брать, должно быть весьма изящно, но, однако, выравнивая крутой путь к поздравлению, [следует] выражать либо собственную частную радость, либо общественную» (Феофан Прокопович 2020: 397; пер. Г. А. Стратановского). О речах, сопровождающих дарение свадебных подарков, кратко упоминается в главе, посвящённой также посвященным надписям. Этот вид речей ритор считает дерзким и надменным (*arrogans et superbius*) (Procorovič 1982: 410), рекомендуя либо вообще не упоминать о подарке, либо сделать это бегло. «Сопровождать и украшать речью подношения подарков, кажется, безусловно, дерзким и заносчивым, как будто ты напоминаешь другу о том, чтобы он знал, насколько он тебе обязан; такой поступок обычно указывает на невежливость дарителя и вызывает неловкость, делая подарок тягостным и неприятным; в этом деле, кажется, особенно допускают промах те, кто, поднося подарки невесте (венки, колечки, ожерелья и т. п.) с великой и непереносимой спесью и надув щёки начинают декламировать, что [подарки] настолько и настолько-то важны, и только что не говорят, за какую цену они были куплены» (Феофан Прокопович 2020: 399; пер. Г. А. Стратановского).

В смоленской риторике М. Базилевича 1756 г. различаются свадебные речи, произносимые до, во время и после бракосочетания, но автор останавливается только на речи, в которой жених просит руки невесты. Как и в московской риторике, выделены основные топоры, на которых должна строиться речь: изложение намерений (*exponatur intentum petentis sponsam*), восхваление семьи невесты (*laudetur familia sponsae ab antiquitate, a magno genere, a viris bene meritis de republica etc.*), просьба к невесте и её родителям отнестись благосклонно к желанию жениха (*instituat petitiō ut parentes sponsae votis sponsi annuant quin et ipsius sponsae petatur assensus*) и дать ответ без промедления (*rogetur determinatum*

responsum sine dilatatione) (Basilevicz 1756: 80). В речи ритор советует преувеличить такие добродетели невесты, как застенчивость, скромность, благочестие, благоразумие (*exaggerentur sponsae virtutes, quales sunt verecundia, modestia, pietas, prudentia*) (Basilevicz 1756: 80). Важным дополнением к схеме построения речи является подборка исторических примеров и сентенций, которые можно в неё включить. Цитаты приводятся из Горация, Овидия, Ливия, Сенеки, Плутарха, Квинтилиана, а также христианских писателей — бл. Августина и св. Григория. Интересно, что теоретические принципы и советы М. Базилевича относятся к речи, произносимой женихом до свадьбы, во время сватовства. Очевидно, по его мнению, что эта речь требует наиболее тщательной риторической отделки, а практическим образцом в его руководстве служит речь после венчания (*post sanctum vinculum*), составленная на русском языке. Эта короткая речь, занимающая всего одну страницу рукописного текста, содержит поздравления, прославление брака как «дражайшего... благополучно и безмятежно Богомъ снисканного и Богомъ сочтанного сокровища» (Basilevicz 1756: 81), благие пожелания и выражение надежды на обретение венца вечной славы после долгих лет счастливой жизни. Таким образом, автор выходит за пределы латинской школьной учёности и демонстрирует возможности применения правил красноречия в реальной жизненной ситуации на родном для брачующихся языке.

Рассуждая о свадебных речах, авторы российских учебных руководств 1740–1750-х годов больше уделяли внимания этикетным, а не собственно риторическим правилам. Тем не менее, некоторые стилистические приёмы рекомендуются как необходимые и особенно характерные для свадебного красноречия, а именно, широкое использование гипербол, сентенций и цитат из античных и христианских авторов. Принадлежность свадебных речей к эпидейктическому красноречию объясняет включение в каждую речь независимо от её цели *laudes* в качестве обязательного элемента содержания.

Литература

- Basilevicz 1756: Basilevicz, Manuel. *Opus artis oratoriae...* Smolensk college. 1756 // Russian State Library. — F. 733 (Smolen.), № 21.
- Basilevicz 1756: Basilevicz, Manuel. *Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. 1756 // РГБ. Ф. 733 (Смолен.), № 21.
- Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae suadae in ornamentum Rossiae laureatis capitibus Neotulliorum in Mosquensi Graeco-

- latino viridario contextum ...1745–1746 // Russian State Library. F. 173 (1), № 355.
- Diadema ex immarcessibilibus floribus Tullianae suadae in ornamentum Rossiae laureatis capitibus Neotulliorum in Mosquensi Graecolatino viridario contextum... (Венок из неувядаемых цветов красноречия Цицерона, сплетённый, чтобы украсить увитые лавром головы неоцицеронианцев России в Московском греко-латинском саду...). 1745–1746. РГБ. Ф. 173 (1), № 355.
- Emporium 1744–1745: Emporium totius facultatis rhetoricae selectioribus eloquentiae fundamentis ad elegantiam stili et vulgarem in omni dicendi genere modum magis conducentibus nec non rebus ac ideis ad instruendum tum sacrum tum civilem oratorem et pluribus ad artem rhetoricam spectantibus refertissimum ad usum et imitationem rhetoribus expositum in Moscoviensi sacratissimae imperatoriae majestatis academia anno 1744 septembri die 21-ma in annum 1745. 1744–1745 // Russian State Library. F. 173.1, № 356.
- Emporium totius facultatis rhetoricae selectioribus eloquentiae fundamentis ad elegantiam (Собрание всего, к риторике касающегося, с приведением всех оснований, выбранных для изысканного и повседневного стиля из всех видов беседы, всех вещей и мыслей к научению ораторов как церковных, так гражданских, и многого другого к риторике относящегося, для употребления и подражания собранное в Московской священной имп. Академии в 1744–1745 гг.). РГБ. Ф. 173.1, № 356.
- Feofan Procopovich 2020: *Ob iskusstve ritoricheskomo desyat' knig* / tr. by G. A. Stratanovski, editor-in-chief S. I. Nikolaev. Moscow, St. Petersburg: Alyans-Archeo, 2020.
- Феофан Прокопович 2020: *Об искусстве риторическом десять книг* / пер. Г. А. Стратановского, отв. ред. С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020.
- Procopovič 1982: *Procopovič Feofan. De arte rhetorica libri X* // Slavistische Forschungen. Köln; Wien, 1982.